

Конференция «Извлекаем ли мы уроки из истории? Культура памяти как путь к европейскому взаимопониманию», Варшава, 27.10–30.10.2016
Организатор: Международный образовательный центр в Дортмунде (IBB Dortmund)

Развитие российской культуры памяти после 1991 года

Леонид Млечин, писатель-историк и телеведущий

Мы поехали на Украину снимать фильм о Степане Бандере, и повсюду те, кто меня знает, подходили, жали руку и со значением говорили: «Ну, вы-то уж точно скажете всю правду». А фильм из трех частей.

Первая – присоединение Западной Украины, пакт Молотова-Риббентропа, удар в спину обороняющихся от немцев польских войск, НКВД в новых областях. Национально мыслящие русские обиделись.

Вторая часть: Бандера с его призывами к террору, злобному национализму – он не только организовал убийство министра внутренних дел Польши, он послал Миколу Лемика убить советского консула во Львове и с немцами сотрудничал с самого начала. Обиделись национально мыслящие украинцы.

Третья часть – послевоенная: рассказали о том, как сначала ОУНовцы резали поляков, а потом польская власть нанесла ответный удар – операция «Висла», тотальное выселение украинцев с территории Польши. Обиделись национально мыслящие поляки.

Учитывая сложный состав аудитории, я буду говорить исключительно о России, чтобы сузить число тех, кто может огорчиться драматическим страницам истории.

Если говорить о России, то разговор об истории – это разговор не о прошлом, а о сегодняшнем дне и о будущем. В нашей стране происходит то, что профессионалы называют политизацией или инструментализацией истории. То есть превращение науки в инструмент решения текущих политических задач, невероятно важный для истеблишмента, для правящего класса, который уверен, что с помощью правильного выстраивания истории появляется возможность управлять сегодняшним днем и формировать будущее.

Ты видишь, как воодушевились историки, которые с перестроечных лет чувствовали себя ущемленными в виду своей бесталанности. Как эти люди занимают университетские кафедры, места главных редакторов исторических журналов, как они делят правительственные гранты. Поскольку ты живешь давно, ты их хорошо знаешь и слышал различные их высказывания – в разные времена. И ты понимаешь, что они не верят ни во что – ни в то, что они говорили вчера, ни в то, что говорят сегодня, ни, видимо, в то, что скажут завтра. Это традиция.

После Второй мировой войны Сталин назначил министром иностранных дел Андрея Вышинского, в прошлом прокурора и организатора громких политических процессов. Однажды он выступал в Организации Объединенных Наций, и мне его помощник (сам будущий посол) Олег Трояновский рассказывал: «Мы с ужасом слышим, что министр излагает американскую позицию. Пишем ему: «Андрей Януарьевич, вы излагаете американскую позицию, наша – другая». Записочка идет по залу, ложится на стол выступающему, он ее читает и продолжает говорить. А договорив, выпучивает глаза, багровеет и кричит: «Это позиция поджигателей войны и врагов мира! Наша позиция – противоположная».

Приход в историческую науку людей, которые не знают историю, не любят историю, – явление не новое. Я всегда вспоминаю горестные слова замечательного фельетониста Аркадия Аверченко: «Какое-то сплошное безвыходное царство свинцовых голов, медных лбов и чугунных мозгов. Расцвет русской металлургии».

Для новой России осознание своего прошлого, национальной памяти было вопросом выбора будущего. Новая Россия после 1991 года выбирала между модерном, устройством жизни на современных началах, и возвращением к особому пути.

Советский Союз предлагал общий для всех образ прошлого – великая страна, идущая от победы к победе, преодолевая любые трудности и сокрушая любых врагов. Такая история позволяла черпать в ней оптимизм и надежду на будущее. Поэтому и разрушение советской системы началось с разрушения официальной истории. И в какой-то момент официальное прошлое рухнуло, а вслед за ним рухнула и сама советская система. Произошла денационализация истории. Она перестала быть целостным, тотальным проектом и приобрела человеческие черты. Она стала более похожей на то, что происходило на самом деле. Начались разговоры о трагическом и драматическом в истории. В новой России попытались – и в этом смысле академическая наука добилась невероятных успехов – восстановить национальную историю во всей ее сложности и трагичности.

Начался разговор о таких понятиях, как «вина» и «покаяние». И многим хотелось продолжить его. Я написал в этом году книжку о роли КГБ в 1991 году, решающем в нашей истории, и беседовал с человеком, руководившим тогда Комитетом госбезопасности России. Он рассказывал мне: «Я хотел на совещании работников территориальных органов сказать, что мы, нынешнее поколение, тоже несем на себе вину за сталинские преступления. А помощники говорят: «Ты с ума сошел? Мы-то в чем виноваты?»».

От разговора о вине и покаянии общество воздержалось, избежало его, и это был водораздел. В России не состоялось осмысление прошлого. Колоссальные, тектонические изменения в российской жизни девяностых годов были восприняты значительной частью общества как неудача, поражение и утрата привычного статуса. Словно исчезли все основания гордиться собой.

И общество жаждало утешения. Как любой человек. Если вокруг горести и несчастья – надо найти опору, утешение. Отсюда стремление к сильному болеутоляющему средству – самооправданию (см. работы руководителя Центра российеведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук профессора И.И. Глебовой).

Почему еще началось возвращение к прежнему образу прошлого? Потому что в перестроечные и постперестроечные годы выяснилось, что в советское время фактически было фальсифицировано все прошлое. То есть мы не те, за кого себя принимали. Это удар. Заглянуть в историческое зеркало страшно. И даже разбить его невозможно, потому что разбить – означает признать, что оно настоящее. Отсюда призыв: «Уберите это зеркало и принесите другое! А лучше всего – верните прежнее».

Что это означает? Это означает, что не появились такие важные для общества черты, как способность к самопознанию, самооценке и извлечению уроков из прошлого. Во-первых, не хочется утруждаться. Во-вторых, немислимо взять на себя ответственность за прошлое. Немислимо осознать, что твои родители, бабушки, прабабушки и прадедушки могли соучаствовать в чем-то отвратительном.

Вопрос ставится иначе: какое прошлое позволит нам ощущать себя комфортно? Где та спокойная бухта, в которой мы найдем отдохновение среди житейских бурь? Вот такое прошлое и принимается. Не то, которое было, а которое мы сейчас старательно конструируем.

От короткого периода самокритики с чувством явного облегчения перешли к ностальгии. Напомню, что этот термин, введенный швейцарским медиком Иоганном Хофером в XVII веке, означал болезненное состояние пациента.

Чем мы сейчас заняты? Самооправданием и самоутешением. Стараемся забыть обо всем неприятном и переоценить прошлое – увидеть его как успешное. Но характерно, что наш

исторический период ограничивается советской эпохой. Мы, постсоветские люди, не ощущаем себя наследниками старой, царской, России.

Возвышающая нас переоценка прошлого не просто льстит. Она позволяет другим глазами посмотреть на самих себя. Ничего не делая, мысленно добиться успеха. Главный и чуть ли не единственный предмет гордости – победа в Великой Отечественной войне. Характерно: в 1996 году ею гордились 44 процента опрошенных, в 2003-м – 78 процентов. Не то, что открылось нечто новое. Просто Великая Отечественная война, какой она была в реальности, словно забыта, а остались лишь победные марши – как наркотик, потребление которого украшает сегодняшнюю жизнь.

Это удивительно для меня. Я вырос среди фронтовиков, которые 9 мая плакали, потому что война была чудовищным, кровавым испытанием. А нынешний политический истеблишмент – молодые люди, которые видели войну на экранах телевизоров в художественном кинематографе и представляют ее так: пять-шесть смершевцев легко сокрушают пару дивизий вермахта.

По Москве ездят автомобили – все иностранного производства, разумеется, – с надписью «Можем повторить!». А что, собственно, они намерены повторить? Четыре года кровавой войны? Немцев под Москвой? 28 миллионов убитых?.. Об этом даже не думают. Этого прошлого не существует. Перед глазами только праздник 9 Мая и марширующие по Красной площади солдаты-победители, бросающие знамена к Мавзолею.

Победа – это символ силы, противостояния врагу. Военные парады наполняют нас уверенностью. Своего рода исторический наркотик. На наших глазах идет производство этого приятного прошлого, чем занимается огромный, хорошо вознаграждаемый идеологический аппарат. Но важно отметить, что пациент просит этот наркотик, умоляет: «Выпишите еще, доктор». Трогательное единство аппарата и общества.

Исторический наркотик позволяет менее болезненно воспринимать настоящее, вызывающее больше огорчений, чем радости, преодолевать ощущение социальной несправедливости, неравенства и формировать эмоциональную поддержку действующей власти.

Отказ от моральной оценки прошлого и оправдание всего, что было – от Ивана Грозного до генералиссимуса, – это индульгенция на будущее. То, что обществу это нравится, означает, что мы не в состоянии модернизироваться, создать работающие институты, которые позволяли бы развиваться и устроить нашу жизнь на современный лад. Общество слишком слабо, чтобы проделать эту работу. Оно пугается сегодняшних все возрастающих сложностей и ищет утешения в прошлом.

Отдельно хочу остановиться на том, что думает молодое поколение.

Естественно было бы предположить, что новое поколение мыслит современно. Но, увы, молодежь, прежде всего студенческая, живет политической ностальгией. Я читал диссертацию, посвященную этой теме. Она основана на беседах со студентами Московского государственного университета, Высшей школы экономики и МГИМО, то есть с будущей элитой России. Причем интервью были проведены с 2011-го по 2014 год, то есть до Крыма.

Что выяснилось? Очевидна неудовлетворенность жизнью. И поиск альтернативы. Она обнаруживается не в будущем, что должно быть свойственно молодым. Альтернатива ищется в прошлом. Но не в реальном, а в идеальном. Вызывают восхищение вождь (то есть Сталин), могущество советской власти и эмоциональная атмосфера того времени («жили, как братья, все друг другу помогали...»). И полное неприятие перестройки и новой России. Сталин рисуется мудрым правителем, который привел страну к процветанию. Многим кажется, что такой лидер нужен и сегодня. От лидера ждут не создания условий, которые дали бы простор для самореализации, а отеческой заботы. В политическом сознании молодых людей присутствуют такие понятия, как «внутренний враг» и «враждебное окружение». Внутренний – потому что должен быть найден

виновный в неурядицах собственной жизни. А внешний враг – это свидетельство глубокой зависти, которую мы испытываем к Западу и США.

Отмечу, что в силу возраста опрошенные не застали советской жизни. Знания об истории оказались более чем поверхностные. О Сталине знали, что у него были интересные усы. О Брежнев, что у него были густые брови. А Хрущев любил кукурузу...

Ностальгия в постсоветском варианте – тягостное, тоскливое чувство, депрессивное самоощущение. Это зависть и чувство собственной слабости... Настроения у молодых, как у пожилых. Они тоже живут мифами и утопиями – о прошлом. Молодые не видят перспективы, не верят в будущее, потому что настроены пессимистично. Не берутся планировать свою жизнь. Следовательно, они не намерены бороться за будущее и брать на себя ответственность.

Это формирует особые отношения граждан России с властью. Немалая часть населения исходит из того, что самим с проблемами не справиться. Не потянуть. Не осилить.

Нуждается в покровителе и защитнике. Рассчитывать больше не на кого, только на власть. Поэтому надо за нее проголосовать, а то еще хуже будет.

Социологи обращают внимание на то, что в небольших городах и поселках люди жалуются на бедность. И это ощущение определяется не малой зарплатой, не скудостью быта, а, скорее, отсутствием веры в способность изменить свою жизнь. И на все – формула: «Начальству виднее». Это ощущение ненадежности бытия, страх перед сложным миром, который периодически становится враждебным.

Необходимость решать все самим, которая возникла после тектонических изменений в нашей жизни, оказалась многим не под силу. При советской власти люди знали, что будет в следующем году, что будет через десять лет. И вдруг нас заставили самих думать о завтрашнем дне. А привыкли полагаться на начальство. Отсюда – утрата образа будущего. Поэтому и власть, и общество, и аппарат повернулись лицом к прошлому, которое используется для мобилизации. Причем, повторю, это прошлое сконструированное и несуществующее.

При этом идет борьба с искажением истории. Какое-то время назад даже была сформирована Комиссия при президенте по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Комиссия просуществовала недолго, но и нужды в ней нет. Процесс замещения реального прошлого придуманным происходит сам по себе. Апогея он достиг в истории с 28 панфиловцами.

75 лет назад, 28 ноября 1941 года, в «Красной звезде» появилась передовая статья без подписи «Завещание 28 павших героев». Речь шла о 28 бойцах оборонявшей Москву стрелковой дивизии генерала Ивана Панфилова, которые подбили 18 танков. Все они погибли. В статье была фраза политрука Клочкова, которая вошла в историю: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва». Через несколько месяцев в «Красной звезде» автор той статьи Александр Кривицкий опубликовал список 28 погибших, и все они были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Я хорошо знал автора этой статьи. Он часто бывал у нас дома, мои родители с ним дружили. Он был выдающимся публицистом. И я на первом курсе факультета журналистики писал курсовую работу «Экспрессивно-выразительная лексика в публицистике А.Ю. Кривицкого». Так что статья была написана прекрасно.

Все было бы неплохо, но, когда выбивали немцев с оккупированной Украины, в Харьковской области органы Наркомата государственной безопасности обнаружили начальника вспомогательной полиции, который входил в число 28 погибших панфиловцев-героев. При обыске у него нашли книжку о панфиловцах. Он с удовольствием читал о своем подвиге. После чего началось расследование Главной военной прокуратуры.

И вот что показало следствие, проведенное Главной военной прокуратурой, – замечу, не обществом «Мемориал», не какими-то либералами, не наемниками американского империализма. В войну все публикации такого свойства отправлялись в Главное

политическое управление Красной Армии на прочтение. Инструктор ГлавПУРа, в частности, спросил автора статьи: «Откуда вы знаете слова политрука Клочкова, если он погиб?». На что автор честно ответил, что это художественный вымысел, он это придумал.

Сегодня велено считать правдой не то, что было на самом деле, а миф.

Что меня больше всего обижает в этой истории? Именно в тот день, обороняя Москву в составе дивизии Ивана Панфилова, у разезда Дубосеково погибло больше ста пехотинцев того самого 1075-го стрелкового полка. Они погибли, защищая наш город, и немцы не прорвались в Москву. Это настоящие герои. А вот что было дальше. Поскольку наши войска отошли, то все погибшие в бою остались лежать на поле. В материалах Главной военной прокуратуры есть беседа с местным председателем сельсовета. Она рассказала: «Снегом все завалило. Потом наши вернулись, потом снег стаял, мы кого нашли, похоронили, а многих уже не нашли». Люди, павшие смертью героев, обороняя наш город, остались безымянными. Созданные пропагандистским аппаратом герои отодвинули в тень настоящих героев войны, которые вернулись с фронта без наград, раненные, покалеченные. А многие и не вернулись...

Мифические подвиги затмили настоящие. И могилы нет, куда родственники погибших героев могли бы прийти. А поклонники мифа, вместо того чтобы потратить силы на восстановление имен реальных героев, тратят их на сохранение придуманной истории. Так проще. Не надо никуда ехать, искать останки.

Миф изгоняет из народной памяти истинную историю. Это тоже своего рода традиция. В XIX веке Александр Иванович Герцен написал: «Русское правительство – как обратное провидение: устраивает к лучшему не будущее, но прошедшее».

Меняются властители, режимы, а традиция остается.